

АМЕЛИЯ БОРН

ОНИ БУДУТ
ЖИТЬ С НАМИ

Амелия Борн
Они будут жить с нами

«Автор»

2023

Борн А.

Они будут жить с нами / А. Борн — «Автор», 2023

- Коооооль... ты дома? Что за ботинки в прихожей? Я задала вопрос, удивившись тому складу обуви, который увидела, когда зашла домой. - Прходи, - велел муж, забравший у меня пакеты из магазина. - Все расскажу. - Что расскажешь? - хихикнула я, следуя за Колей. Он прошествовал на кухню и, как ни в чем не бывало, начал разбирать покупки. Я же воззрилась на женщину и двух девочек, что сидели за столом. - Это Кира, Вика и Маша, - сказал муж, деловито раскладывая продукты в холодильнике. - И они будут жить с нами. У меня была обыденная жизнь. Муж, с которым прожила десять лет. Сын, в котором мы с супругом души не чаяли. Ничто не предвещало беды до тех пор, пока муж не привел к нам свою вторую семью и не сказал: «Они будут жить с нами».

© Борн А., 2023

© Автор, 2023

Амелия Борн

Они будут жить с нами

– Коооооль... ты дома? Что за ботинки в прихожей?

Я задала вопрос, удивившись тому складу обуви, который увидела, когда зашла домой.

– Проходи, – велел муж, забравший у меня пакеты из магазина. – Все расскажу.

– Что расскажешь? – хихикнула я, следуя за Колей.

Он прошептал на кухню и, как ни в чем не бывало, начал разбирать покупки.

Я же воззрилась на женщину и двух девочек, что сидели за столом.

– Это Кира, Вика и Маша, – сказал муж, деловито раскладывая продукты в холодильнике. – И они будут жить с нами.

У меня была обыденная жизнь. Муж, с которым прожила десять лет. Сын, в котором мы с супругом души не чаяли. Ничто не предвещало беды до тех пор, пока муж не привел к нам свою вторую семью и не сказал:

«Они будут жить с нами».

День не задался с самого утра. Я опоздала в детский сад, потому что по пути сломался трамвай, а другого было не дожидаться. Никитка, мой трехлетний сын, хныкал и капризничал, вдобавок, кажется, обморозил щеки, пока мы спешили по обледеневшему тротуару туда, где я работала, а Никитка – проводил половину дня.

Пригоревшие сырники, что испекла для ребятшек, так как трудилась поваром в детском саду, едва не довели меня до нервного срыва. Полученный за них выговор стал едва ли не последней каплей.

– Вера Артемьевна, можно я вам Никитку привезу? Сегодня ничего не успеваю, дома шаром покати, а утром уже Коля приедет, – пожаловалась я свекрови, которой позвонила, когда мы с сыном вышли из садика и Никита снова начал хныкать.

То ли не доспал, то ли начинал болеть. А может, и все вместе. Сил выяснять это у меня уже не осталось – вот и дам задание Вере Артемьевне последить за Никиткиной температурой.

Смешно. Дать задание этой женщине – равносильно тому, чтобы лично позвонить президенту и попросить его сходить за колбасой.

– Можно, – все же смилостивилась свекровь и положила трубку, не дождавшись, когда я ее поблагодарю.

Я потащила сына к остановке. Через пять минут должен был приехать трамвай, и я надеялась, что на этот раз обойдется без непредвиденных поломок.

– Сейчас мы к бабушке. Переночуешь у нее, – ласково сказала Никитке, стоя на остановке и притопывая от холода. – А завтра за тобой с папой приедем, как только я отработаю, хорошо?

Сын насупился и отвернулся. У бабушки он бывать любил, но предпочитал проводить время со мной. Мы вообще были с ними не разлей вода – и дома вместе, и вот, на моей работе тоже. Когда я выяснила, что в детском саду как раз не хватает повара, отправилась стряпать для малышей, благо и образование соответствующее имелось. Десять лет назад я закончила кулинарный техникум. Так что судьба благоволила мне, я могла проводить с сыном столько времени, сколько потребуется для его адаптации в детском саду.

Коля это только поддерживал. Он вообще считал, что женщина должна все делать для семьи, а мужчина – обеспечивать тыл в виде заработка. Жили мы с ним не очень богато, но дышать в финансовом плане становилось все легче с каждым годом.

– Я не хочу, – буркнул Никита, когда мы с ним сели в трамвай и поехали к свекрови.

Она жила в паре остановок от нашего дома, что было весьма удобно. Всегда можно было закинуть ей внука и провести время только вдвоем. Вроде и женаты с Николаем были аж целых

десять лет, а мне все порой казалось, что медовый месяц у нас не заканчивается. Мужем Коля был хорошим – заботливым, верным, надежным.

– Не дуйся, Никит, – попросила сына, устраивая его на коленях, несмотря на то, что ехать было недалеко и мы могли проделать путь стоя. – Это только до завтра. Бабуля сказала, что уже очень соскучилась по тебе.

Я врала. Свекровь вообще редко проявляла эмоции, так что если даже и жаждала увидеть внука, то признаваться в этом было не в ее правилах.

– Ладно, – кивнул Никитка, и я улыбнулась.

У меня был самый лучший на свете сыночек.

Я задумчиво ходила между полками магазина, выбирая, какие продукты закупить впрок. Близился сначала день рождения Николая, затем – Новый год. Хотелось отпраздновать как-то по особенному. Наготовить сыну и мужу самых вкусных на свете блюд, провести время только втроем. Хотя бы новогоднюю ночь. Хотя, я уже знала планы Коли – он хотел пригласить свою мать и наших друзей.

«Ты сиротка у меня, Насть, вот я тебе и обеспечиваю семейный праздник», – говорил мне Коля, а я с ним не спорила. Глупо было обижать мужа, раз он так для меня старался.

Пораздумав немного, я все же прихватила с полки икру подороже. Часть заморожу на Новый год, ничего с ней не случится, часть съедим в виде бутербродов уже совсем скоро. До дня рождения Коли она точно долежит. А если муж будет бурчать что-то про ненужные траты – ерунда. Я знаю, как его успокоить.

Улыбаясь и продумывая, что еще вкусного можно поставить на стол, я вышла из магазина и направилась домой.

Едва добралась до квартиры, поняла, что Николай вернулся из командировки. Сердце тут же радостно застучало – муж так торопился к семье, что смог расправиться с делами быстрее. Открыв дверь, я приостановилась на пороге. У нас в гостях кто-то был.

– Коооооль... ты дома? – позвала, все же заходя в квартиру и запирая за собой замок. – Что за ботинки в прихожей?

Я задала вопрос, удивившись тому складу обуви, который был сгружен в одном из углов прихожей. Вроде как мы никого на эти даты не приглашали, да я и представить даже не могла, кто мог быть обладателем женских, чуть пошловатых высоких сапог на огромной платформе и двух пар детских башмаков.

– Проходи, – велел муж, вышедший ко мне и лучезарно улыбающийся.

Он забрал у меня пакеты из магазина, быстро чмокнул в щеку, пока я разматывала шарф и стаскивала обувь. Добавил деловито:

– Все расскажу.

– Что расскажешь? – хихикнула я, следуя за Колей и не представляя, какие новости меня ждут.

Муж прошествовал на кухню и, как ни в чем не бывало, начал разбирать покупки. Поставил их на стол, вытащил фрукты и икру. Это я отметила краем взгляда, воззрившись на женщину и двух девочек, что сидели за столом. Знать я их не знала. Видела впервые.

Женщина улыбалась, глядя в ответ. Она была неприметной, только ярким пятном во внешности пылали крашенные в светло-рыжий цвет волосы. В остальном, встретить я такую на улице, скользнула бы равнодушным взглядом. Дети были похожи на нее как две капли воды. Одна девчонка постарше, с короткой стрижкой. Вторая – с куцыми косичками, едва достающими ей до плеч.

– Это Кира, Вика и Маша, – сказал муж, деловито раскладывая продукты в холодильнике.

Он немного поколебался и оставил самое вкусное на столе, после чего ошарашил новостями:

– Они будут жить с нами.

– В смысле? – вскинула я брови, удивленно округлив глаза.

– В прямом, Насть. Это Кира, – он указал на женщину, та разулыбалась еще шире, – она мать Вики, ей одиннадцать. И Маши – ей девять.

Он осмотрелся, словно бы искал что-то, потом вдруг начал нарезать хлеб, открывать икру. Я же стояла, не шевелясь и ждала, что будет дальше. Даже сил на то, чтобы остановить мужа и сказать кажущуюся сейчас не смешной фразу: «Это на Новый год», у меня не было.

Наскоро сделав несколько бутербродов, Коля установил тарелку на стол и добавил, почти что убивая меня на месте.

– Вика и Маша – мои дети, Настен. А Кира, как ты успела догадаться, – их мать.

Как ты успела догадаться? Я – успела догадаться. Мозг заполонило туманом, я оперлась ладонью на стену и, взглянув на календарь, пробормотала:

– Вроде, не первое апреля...

Николай тут же бросился ко мне. Взяв под локоть, повел к столу, а я шла за ним, словно кукла, переставляя ватные ноги. Только в голове пульсировала мысль: «Если старшей одиннадцать, значит, это все у них давно? Еще до нас?».

Хотя, думать мне нужно было лишь об одном – как сбежать. Но куда? У меня нет больше никого кроме Николая и сына. Разве что только Даринка, подруга еще с техникума, но к ней вообще не вариант. Разве что на время.

Усадив меня за стол, Николай достал бокалы. Девочки, быстро взглянув на отца и получив одобрителный кивок (это я видела взглядом, перед которым плыла пелена), взяли по бутерброду, после чего Кира им велела:

– Идите, девочки, поиграйте в той комнате, где наши вещи.

Иисусе! Они уже притащили сюда свои шмотки? Я вскочила и промчалась в нашу спальню – там было все так же, как оставалось утром, когда я уходила на работу. Значит... Значит их баулы в комнате Никитки?

Буквально отпихнув от себя – как их там? – детей Киры, я распахнула дверь в детскую и обомлела. Она вся была завалена сумками. Клетчатые огромные «катули» лежали вповалку, на них примостились какие-то игрушки, авоськи и бог знает, что еще. И это все в Никиткиной спальне, которую я с такой любовью обставляла! Здесь уже даже запах поселился, чего-то знакомого. Деревенского, что ли.

С губ моих сорвался стон ужаса и горечи. Все, что сказал мне муж на кухне – правда. Он, похоже, не в командировку ездил, а за своей второй семьей!

– Настя... Дай девочкам пройти и иди к нам – спокойно поговорим и все обсудим, – сказал мне Николай, пришедший следом за мной.

Дети Киры (и его, между прочим) стояли, пожевывая бутерброды с самым непроницаемым выражением на лице. Стало так противно от этого всего... от той горечи, что появилась, когда я вспомнила, как выбирала деликатес подороже, чтобы побаловать семью. Вот и балую, только не свою, а чужую...

– Это комната Никиты! – процедила я, подходя к мужу. И закричала, не в силах сдерживаться: – Пусть они выметаются отсюда к черту!

Коля вскинул руки на уровень груди, повернув ладони в мою сторону. Сдавался? Может, он сейчас скажет, что решил подшутить и проверить мою реакцию?

– Хорошо, как скажешь, – кивнул муж. – Просто мы подумали, что эта комната больше, и взрослому человеку с двумя немаленькими уже детьми здесь будет комфортнее, чем в нашей спальне.

«Мы подумали» ударило под дых. Нет, я не собиралась бегать от того, что творилось и напрямую касалось моей жизни, потому, пройдя мимо Николая, вернулась на кухню. Кира уже хозяйничала здесь – поставила чайник и теперь ополаскивала посуду, стоящую в раковине.

– Не трогайте тут ничего! – велела я.

Меня трясло. Руки, которыми попыталась выхватить свою любимую кружку, ходили ходуном. Кира, пожав плечами, выпустила ту, и керамика глухо соприкоснулась с раковиной. Я едва не взвыла. У кружки отвалился кусочек и куда-то отлетел.

– Ты так не нервничай, – сказала Кира, вновь устраиваясь за столом. – Мы тебе сейчас все объясним.

Я сделала вдох-выдох и, досчитав до трех, повернулась к этой женщине, которую уже ненавидела всем сердцем.

– Слушаю, – сказала ей, намеренно оставаясь стоять на ногах.

Во-первых, это было своего рода физическое преимущество, которого мне так не хватало, если бы Кира опять возвысилась надо мною на полголовы. Вторая – или первая? – жена Николая была весьма коренастой и высокой. Даже глядя на ее ладони можно было сказать – ударь такая пудовым кулаком, мало не покажется.

Во-вторых, я давала себе шанс на побег. Первой мыслью было бросить все вещи, поехать к свекрови и забрать Никиту. А потом... Потом я и представить не могла, что делать. Зарплаты повара хватит от силы на аренду комнатки в каком-нибудь клоповнике. А чем мне кормить сына? Просить у мужа на еду, пока мы с ним будем решать вопросы с разводом? Брать кредит на молоко и кашу?

– Настен, присядь, давай просто по-взрослому побеседуем, – сказал вновь появившийся рядом с нами Коля.

Я упрямо замотала головой и сложила руки на груди, на что Николай, пожав плечами, занял свое привычное место за столом и заговорил:

– То, что ты про измену подумала – это не так. Киру я знаю уже давно, двенадцать лет. Вика родилась, когда мы с тобой еще не знакомы были. А то, что Маша на свет появилась – это случайность. Мы с тобой тогда разошлись, в самом начале отношений, ты же помнишь?

Он смотрел на меня пристально, но с едва заметной улыбкой на губах. А я вглядывалась в черты любимого мужа и думала о том, понимает ли он хоть отчасти, какой удар мне нанес? Какие смертельные раны я получала, слушая каждое его слово?

– Допустим, – кивнула, ответив хрипло, потому что горло изнутри царапало и першило от невысказанной боли.

– Спросишь, почему тебе ничего не говорил? Отвечу – потому что тебя люблю и хочу быть с тобой и дальше.

Я нервно рассмеялась и покачала головой. Показала знаком – продолжай. А сама хваталась за эти слова мужа, как будто они могли удержать меня на плаву и не дать утонуть. Потому что признавать факт слитой в унитаз жизни на протяжении десяти лет было ужасно. Все случившееся было ужасно.

– Кире и девочкам некуда идти. Они пока поживут с нами, дальше придумаем, что с этим делать. Можно было снять квартиру, но сейчас нам это не по карману. Кира лишилась работы, пока найдет новую, пока обустроится...

Он говорил что-то еще, а я слушала вполуха и понимала – ничего не исчезнет. Все именно так и обстоит, как сказал Николай. И уже все решено. Они вдвоем все решили.

– Ты все эти годы помогал им? Общался? – выдавила я из себя, останавливая поток словоизлияний мужа.

Кира и Коля переглянулись, а мне так захотелось взять и шарахнуть чем-то по лицу этой рыжей особы, которая подобно хитрой лисе влезла туда, где ей было не место.

– Немного общались. Деньгами я девочкам помогал, жизнь в поселке – не сахар. Но делал это не в ущерб нашей семье, поэтому у нас теперь дом – полная чаша.

Он обвел руками жилище, которым занималась в основном я. Всего домашнего хозяйства Николай не касался, я считала это своим вкладом в семейную жизнь, потому что в нее не принесла ничего существенного. Мои родители были пьяницами, оба погибли в пожаре,

когда мне только-только исполнилось восемнадцать. Как я выжила тогда без жилья, одному богу было известно. Сначала было общежитие от техникума, а потом, когда закончила его и поняла, что пора начинать работать и строить свою жизнь, а высшее образование всегда можно получить позже, мне на пути встретился Николай.

Мне исполнился двадцать один год, ему – двадцать пять. Уже тогда он казался мне очень умным, не по годам взрослым. И надежным. Знала бы я тогда, чем эта самая надежность для меня обернется.

– Все понятно, – сказала я, криво улыбаясь. – Значит, места в твоей жизни мне с Никитой теперь нет.

Я говорила об этом, как о решенном факте, на что глаза Николая сверкнули и в них появилось молчаливое предупреждение.

– Тебе некуда идти, Насть. Не глупи. Если так хочешь, переедем в комнату сына. А Кира и девочки – в нашу спальню. Я им матрасы надувные купил на первое время.

Надо же... У них все было продумано. И опять в голове замелькало «они, они, они». Они все уже решили, они сделали выбор, в том числе, и за меня. Я была сейчас одна против них двоих, а если учесть двух девочек, которые находились где-то в недрах нашей квартиры, и вовсе против четверых.

– Отдай!

– Нет, ты отдай! Это я первая увидела! – вдруг послышались голоса Вики и Маши, раздавшиеся из Никиткиной комнаты.

Я сорвалась с места и бросилась на звук. Когда добралась до двух нахалок, у меня сердце застыло, а потом зашлось в неистовом стуке. Старшая тащила на себя любимого мишку сына, в то время как младшая вцепилась в него с другого края.

– Ах вы, маленькие заразы! – вырвалось помимо воли из моего рта.

Я бросилась к ним, с ужасом видя, как голова медвежонка отделяется от туловища, когда Вика дергается назад. Схватила ребенка и встряхнула, но тут же меня отпихнули от нее с такой силой, что мне показалось, будто это был терминатор, не иначе.

– Не тронь моих детей, паршивка! – завопила Кира, оттесняя меня от своих отпрысков. – Иначе я за себя не ручаюсь!

Ужас сковал меня по рукам и ногам. Я только и могла, что пятиться к выходу из комнаты, озираясь кругом себя невидящим взглядом.

– Кир, уйми их! – гаркнул Коля, подоспевший на помощь, понять бы только кому.

Он обнял меня за плечи, повел куда-то, и все, на что я сейчас была способна, пребывая просто в невероятном шоке, это просто позволить себя увести из того места, которое больше мне не принадлежало.

А в голове билось только одно слово, явственно характеризующее этот цыганский табор, который Николай приволок к нам в дом:

«Саранча».

– Отпусти, – дернув плечом, велела я Коле, когда он завел меня в нашу спальню и плотно закрыл за собой дверь.

К звукам, доносящимся из квартиры, не прислушивалась, но этого делать было и не нужно. Громогласный зычный голос Киры достигал, казалось, каждого уголка дома.

– Настен, это ненадолго, клянусь! – взмолился Коля, отчего-то произнеся эти слова полупшепотом. – Все наладится у них и ты их больше не увидишь.

– А ты? – зачем-то спросила я, вскидывая подбородок.

Как будто мне действительно было важно, станет ли Николай видаться с ними впредь, когда эта свора покинет наш... вернее, его дом. Ведь такое не прощают. С таким не живут дальше, просто переступив, как через обыденный факт.

– А я... буду иногда, конечно, – пожал муж плечами. – Вообще предпочел бы, чтобы ты никогда ни о чем не узнала.

Я прикрыла глаза и отошла на пару шагов. Пока не понимала, как к этому относиться. Как к предательству? Однозначно. Но если бы это семейство осталось для меня тайной, было бы мне легче?

– Почему ты не отвез их к своей маме? – выдохнула я, и Коля тут же напрягся.

Поджал губы, на щеках, покрытых светлой щетиной, заиграли желваки.

– Она ничего слышать не хочет ни про Киру, ни про девочек.

О, ну хоть один человек, который тоже был против этих троих, у меня имелся. Хотя, время покажет, как именно сложатся отношения свекрови и первой жены Николая.

Я обвела спальню долгим взглядом. Когда глаза выхватывали из привычной обстановки милые вещицы, которыми была полна эта комната, становилось особенно тоскливо на душе. Вот наши свадебные фотографии в рамочках. А вот – первый снимок Никитки. Здесь он еще в роддоме, такой смешной и сморщенный.

– Я не смогу так жить, – сказала мужу, покачав головой. – Заберу сына и мы уйдем.

– Куда?

В голосе Николая послышалась надменность. И он, пожалуй, отчасти имел на нее право. Не потащу же я Никиту к Дарине? По ряду причин это невозможно.

– Пока будем снимать комнатуху, как-нибудь выкрутимся, – сказала я и направилась к выходу из комнаты.

Коля перехватил меня на пороге, когда я уже собиралась выйти и отправиться хоть куда-то. Прогуляться, поехать к единственной подруге и порыдаться у нее на плече. В общем, сделать что угодно, лишь бы вырваться из душной клетки, в которую превратился мой собственный дом.

– С сыном уйти не дам, – неожиданно жестко отрезал муж, и когда я посмотрела в его глаза, поняла – он не шутит.

– В каком смысле? – нахмурилась, пытаюсь вытащить руку из сильных пальцев.

– В прямом. Чтобы ты таскала Никиту по всяким клоповникам, когда у него есть, где жить и с кем? Этого не будет.

Он смотрел на меня так уверенно и с таким незнакомым выражением лица, какого я еще никогда не видела у Коли, что мне стало не по себе.

– И чтобы я его не таскала по клоповникам, ты решил привезти клоповник к нам домой? Похвально! – найдя в себе силы лишь каким-то чудом, ответила мужу.

– Не надо думать так про Киру и девочек, – поморщился Николай. – Они хозяйственные. Будут заниматься домашней работой на равных с тобой. А хочешь, и вовсе избавят тебя от нее? Ты главная в доме – об этом я сказал Кире сразу. Она согласилась беспрекословно. Так что рули, Настен. Говори им, что делать. Пусть приберутся, завтрак завтра приготовят, суп сварят. А если тебе действительно хочется, чтобы мы переехали к Никитке в комнату – без проблем. Я перетащу сейчас наши с тобой вещи и...

Слушать дальше этот бред я не смогла, просто вышла из комнаты, бросилась в прихожую. Мельком заметила, что Кира и их с Колей дочери снова сидят за столом и что-то уминают. К горлу подкатила тошнота, а перед глазами снова все поплыло.

– Насть... Ну, куда ты, а? – спросил Николай, выходя следом за мной. – Из-за мишки так расстроилась? Кира пришьет ему голову, Никита даже ничего не заметит.

Я яростно натянула сапоги, намотала шарф и схватила сумку. Сорвав с вешалки пуховик, повернулась к мужу и поинтересовалась:

– А их, – ткнула пальцем в сторону его второй семьи, – наш сын не заметит тоже? М?

– Мы можем сказать ему, что это наши гости. Родственники из другого города, – предложил Коля, на что я запрокинула голову и расхохоталась.

Хороши же родственнички – нарисовались не сотрешь.

– Я ушла, – зачем-то объявила мужу и секундой позже с силой захлопнула за собой дверь.

Оставляя там, за родными стенами дома, тех, кто практически сделал из меня лицо без определенного места жительства.

Только когда щеки обожгло болью, я поняла, что плачу. Застывшие на морозе слезы казались сотнями игл, впивающихся мне под кожу. Я позволила себе сделать то, на что имела полное право – дала выход эмоциям.

– О! Настюх, ты чего? – спросила Дарина, к которой я завалилась безо всякого приглашения.

По пути позвонила свекрови и сказала, что заберу Никитку завтра перед походом в детский сад. По голосу матери Коли поняла – она знает обо всем. А может, это я себе придумала, потому что казалось, что кругом сплошь враги.

– К тебе можно? – хлопнув носом, спросила у подруги, и та сразу закивала и буквально втащила меня в квартиру.

– Конечно, можно, дурочка! – беззлобно сказала она. – Идем на кухню!

Я быстро скинула пуховик и обувь, поплелась за Дариной, которая уже шарилась в шкафчиках, видимо, на предмет того, что могло меня успокоить.

– Сашка выдул, что ли, все? – нахмурилась она, но тут же радостно воскликнула: – А, нет! До занапки не добрался.

Я усмехнулась, когда передо мной поставили бутылку красного. Сама Дарина принялась рыться в холодильнике в поисках съестного. Сашка был ее любовником. Одним из нескольких. Однако о том, что у Дарины настолько активная жизнь, в том числе горизонтальная, не знал.

Подруга на мои вопросы о том, не хочет ли она остепениться, отмахивалась и заверяла, что семейная жизнь точно не для нее. А вот та, которой она живет, вполне подходит по всем параметрам.

Трудилась Дарина в ночном клубе танцовщицей. Любила проводить время ярко, бесконечно решалась на всякие авантюры. Оттого и наш с Никиткой переезд к ней, даже на время, был едва ли возможен.

– Ну! Давай, поведай мне, что у тебя стряслось, – велела Дарина, налив нам по бокалу под наскоро наломанные кусочки пармезана. – С Николаем, что ли, в кои-то веки поругались?

Вопрос о муже окончательно меня огорчил. Я вновь начала реветь, а Дарина сидела и ждала, когда же поток слез иссякнет.

– Он... он привел домой свою вторую семью, – выдавила я из себя в промежутках между рыданиями.

Глаза подруги округлились.

– Кто... привел? – не поняла она.

– Коля... У него двенадцать лет была другая... и две... д-две дочери.

Я сказала это и сразу стало как-то легче. Хотя, казалось бы, причин для этого не имелось. Но озвучить вкратце события, которые сегодня перевернули мою жизнь на сто восемьдесят градусов, означало принять новую реальность. А после и дышать стало как-то легче.

– Ты шутишь так, да? – нервно хохотнула Дарина, тут же схватив стакан и опорожнив его. – Николай привел к вам домой... вторую семью?

Понимая, насколько отвратительно это звучит, я кивнула.

– Какая-то Кира... и две девочки. Одной одиннадцать, второй – девять, – выдохнула в ответ.

– И это не розыгрыш с твоей стороны? – уточнила она, на что я помотала головой.

– Да нет же! Хотя, сама бы многое отдала, чтобы вернуться после тебя домой, а там – никого.

Я живо представила себе, что все увиденное сегодня – галлюцинация. Что приду сейчас, а в квартире нет ни вещей этой семейки, ни их самих. А завтра приедет Николай, обнимет меня, скажет, как он соскучился. И я забуду обо всем, как о страшном сне.

– Расскажи по порядку! – велела мне Дарина, вновь подлив в стаканы напитки.

Я кивнула и начала свое повествование. А когда закончила, глаза подруги стали настолько огромными, что, казалось, вот-вот выпадут из орбит.

– Вот сволочь! – воскликнула она, вскакивая на ноги. – Какой же он козлина!

Забегав по кухне, Дарина только и могла делать, что взмахивать руками и открывать рот в беззвучно возмущении. Я же, наблюдая за ее передвижениями, впадала во все большую тоску. Как стану возвращаться домой? Куда завтра после садика приведу Никитку?

– Тебе нужно бороться! – неожиданно заявила с жаром Дарина, вновь плюхаясь напротив меня. – И не просто бороться, а победить их по всем фронтам! Включая Николая.

Я покачала головой. Казалось, из меня не просто весь воздух выпустили, но и всю душу, оставив лишь оболочку.

– Коля в своем праве. Квартира на нем, он может приводить туда кого захочет. И выпить меня сможет, если пожелает.

– Но он не пожелает, – поцокала языком Дарина. – Это же ясно из его слов. Ему будет вполне комфортно жить с вами всеми.

Она побарабанила ладонями по столу и вдруг воинственно проговорила:

– Нам срочно нужен план!

Я смотрела на подругу со смесью благодарности и мгновенного желания протестовать. Хотелось сказать, что ничего не поможет, ведь меня обложили по всем фронтам. Работа у меня, мягко говоря, не денежная. Жить – негде.

– План? – безо всякого энтузиазма переспросила у Дарины.

– Ага. По которому ты сделаешь все, чтобы не только выжить в этом дурдоме, но и выйдешь победительницей.

Она отпила еще один глоток и вдруг, превратившись в собранную и чрезвычайно мудрую не по годам женщину, начала говорить:

– Первым делом заработок. Теперь – никаких общих котелков и прочего. Все, что получила – отложила. На еду пусть дает Коля. Взятся за гуж, как говорится, не говори, что не муж. Далее... Условия, которые он готов выполнять – пусть выполняет. Говоришь, обещал свой табор приструнить, чтобы они на тебя пахали? Вот и славно. Никаких тряпок, никаких тарелок и супов – пусть действительно варят, парят и стирают. А ты пока целиком займешься собой и сыном. И каждую копейку – в кубышку.

Она улыбнулась широко и радостно, как будто только что выдала как минимум текст кандидатской и получила за нее положенные овалы. Однако мне было совсем не до улыбок. Я в ужасе посмотрела на Дарину и спросила:

– Ты что, действительно считаешь, что мне нужно жить с ними и делать вид, что ничего не происходит?

– Жить – да, а вот делать вид точно не нужно! – с жаром откликнулась подруга.

Она задумчиво приложила палец к губам. Дарина была такой прехорошенькой, что я, как и часто то бывало, залипла на ней взглядом. От мужиков у подруги не было отбоя даже в тот момент, когда она твердо решала хранить celibat хотя бы месяц.

– Нет, ты, конечно, можешь у меня перекантоваться, без проблем, – продолжила она, – но... Сама все знаешь.

Дарина состроила мордашку.

– Знаю, – кивнула в ответ и уныло приговорила остатки из стакана.

Это ни капли не успокоило. Напротив, привело меня в состояние странной ажитации. Хотелось сорваться с места и, махая шашкой, пойти рубить головы всем, кто виновен в моем внезапном несчастье.

– А что свекровь? Точно не вариант? – спросила Дарина, которая не особо жаловала Колину маму.

Та отвечала ей полной взаимностью, и в этом они совпадали на все сто.

– Я, конечно, попробую с ней завтра утром поговорить, когда за Никиткой приеду, но вряд ли она будет рада нашему наличию. Ты же помнишь, квартира, которую она превратила в студию, всякое такое.

Я подернула плечами, делая вид, что мы говорим о чем-то обыденном. После смерти Колиного отца Вера Артемьевна замкнулась в себе и проводила почти все время в их трешке. Раньше свекровь была педагогом в музыкальной школе, но сейчас не преподавала. Пенсии, как говорила она сама, ей хватало, а что еще нужно одинокой женщине, которая, по ее же словам, совсем скоро отправится к мужу на небо?

Отец Николая был довольно известным в нашем городке скрипачом. Вот и решила Вера Артемьевна соорудить из их квартиры своего рода музей, который именовала не иначе как «студия».

– Помню, – мрачно отозвалась Дарина. – Кошелка могла бы уже и съехать в хоромы поменьше! Вам, как молодой семье, площадь гораздо важнее!

– Это ее квартира, ей и решать, что с ней делать, – возразила я, припоминая, как свекровь наотрез отказалась даже говорить с нами, когда мы с Колей заикнулись о том, чтобы переехать в трешку, а ей отдать квартиру Николая, доставшуюся ему от бабки с дедом.

Дарина вздохнула, зевнула, поспешно прикрывая рот ладонью.

– Мягкая ты, Наська. Вот в чем твоя проблема, – сказала она и снова зевнула.

Я развела руками, поднимаясь из-за стола. Пора было и честь знать, тем более, что завтра с утра мне нужно было на работу.

– Уж какая есть, – усмехнулась в ответ.

Мы с подругой расцеловались и распрощались. Я дала обещание Дарине, что если в жизни наступят полные кранты, то мы с Никиткой переберемся таки к ней. Хотя, я даже представить не могла, что такого могло произойти, что стало бы еще более ужасающим.

Выйдя от подруги, я быстрым шагом направилась домой. Было поздно – именно поэтому я торопилась. А возвращаться в родные стены мне не желалось совсем.

Когда зашла в квартиру, поймала себя на мысли о том, что за это время, которое я провела с Дариной, Николай мне ни разу не позвонил. Хотя у нас и был обычай – мы всегда уведомляли друг друга, когда куда-то ехали или шли и добирались до места назначения. Что ж... Это был еще один пунктик в копилку тех, которые говорили о том, насколько полярным было теперь отношение мужа.

Было тихо. На кухне горел приглушенный свет, в остальном квартира была погружена во мрак. Я тихо разулась и сняла пуховик, гадая, где мне переночевать. Возможно, и стоило остаться у Дарины, но я не хотела вот так сразу показывать, что отступила. Только не тогда, когда в квартире еще оставались наши с Никиткой вещи, документы, да и вся наша с сыном жизнь в принципе.

Умывшись, я постояла, прислушиваясь к звукам. Прикусила губу, когда услышала всхрап Николая и, надеясь, что принадлежал он все же ему, а не Кире, направилась в детскую. Конечно, существовала вероятность, что они завалились там с первой женой, но я очень надеялась, что этого не случилось.

Когда включила маленький ночник-пчелу, инстинктивно выдохнула с облегчением. Николай был один. Он обнаружился лежащим на кровати Никиты. Ее мы купили сыну с при-

целом на вырост, так что даже взрослый человек мог разместиться на ней с относительным комфортом.

Баулы саранчи отсутствовали. Значит, Николай перенес их в нашу с ним спальню. Стараясь не думать о том, что в моей постели, в окружении моих вещей, сейчас дрыхнет эта ужасная Кира, я подошла к мужу и с силой его тряханула:

– Коля! Вставай и освободи мне место, я хочу спать! – велела ему громко, ни капли не церемонясь.

Он подскочил, сел и вытаращил на меня сонные глаза.

– А... Настюш, вернулась, – растянул губы в улыбке и вдруг, схватив меня за запястье, потянул на себя.

Я покачулась, не ожидая подобного обращения. Едва не упала на колени Николая, но вцепилась в его волосы, на что муж зашипел от боли.

– С ума сошла? – выверился он на меня, отпуская мою руку.

– Я сказала – освободи мне место, – не растерялась я, отступив на полшага. – Скоро на работу, я хочу хоть немного поспать.

Николай хмыкнул и, вновь став тем мужчиной, которого я знала десять лет, растянул губы в улыбке.

– Так давай ляжем вместе. Места хватит, ты у меня худенькая.

Он похлопал рядом с собой ладонью, я замотала головой.

– Даже не мечтай. Освободи кровать и я лягу.

Коля смотрел на меня с прищуром в глазах, отчего они показались мне ледяными и бесстрастными. Так, наверно, смотрят палачи на своих жертв, зная, что тем от них никуда не деться.

– Черт с тобой, – буквально выплюнул он секундой позже и, поднявшись, отошел.

Я юркнула под плед и свернулась калачиком. Не знала, куда направится ночевать муж, но не удивилась бы, если к своей Кире.

Однако он просто покидал на пол подушки с детского диванчика и, устроившись на них кое-как, буркнул:

– Спокойной ночи.

Я не ответила, а мгновением позже Коля захрапел. Я же лежала без сна и в голове моей билась только одна мысль:

«Так я долго не выдержу».

Когда проснулась, муж уже встал. В комнате я была одна, и первое, что мне пришло в голову, стоило распахнуть глаза – я просто задремала на кровати сына и мне приснился жуткий кошмар. Однако почти сразу послышался хохот, доносящийся из кухни, и сердце мое заколотилось быстрее.

Вскочив с кровати, я вышла из детской. В нос тут же ударил запах жженого масла, раскаленного настолько, что он начал выделять дымок.

Я метнулась на кухню и едва не застонала от того, какая картина передо мной предстала. Кира всю хозяйничала у плиты – жарила то ли пирожки, то ли оладьи размером с небольшое манго. Их с Колей дочери сидели за столом и, тыкая в телефон перепачканными в сахарной пудре и сметане пальцами, смотрели какие-то ролики и, не стесняясь того, что в квартире они не одни, громко смеялись.

– О, Настасья, завтракать с нами будете? – расплылась в улыбке Кира, снимая новую партию непонятных мучных изделий.

При этом я услышала, как царапнула вилка прямо о дно моей не самой дешевой сковороды. Я медленно обвела взглядом царящую кругом вакханалию. Мука стояла чуть поодаль, рядом с ней лежали несколько скорлупок от яиц. Тут же валялся вскрытый пакет с сухими дрожжами, часть которых просыпалась на столешницу.

– Я все уберу после себя. Сначала готовлю – потом прибираюсь, – сказала Кира, верно истолковав выражение моего лица, и вновь влила в раскаленное масло порции будущих «оладий».

Те зашипели и зашкворчали. Несколько брызг попало на соседние конфорки. По кухне вновь поплыл прогорклый дым.

– Вообще-то для этого есть вытяжка! – рявкнула я, подлетая к Кире и включая технику на полную мощность. – И я таким не питаюсь. Не хочу себе язву или гастрит.

Девочки застыли, глядя на меня. Младшая так и не донесла до рта еду, просто сидела в нелепой позе, вылупившись так, словно видела перед собой нечто необычное.

Кира переглянулась с детьми, подмигнула им, и они продолжили уминать ее стряпню, не забывая макать приготовленное нечто в блюде с сахарной пудрой.

– А Коле такое нравится, – пожалала плечами Кира. – Он, кстати, уже уехал на работу.

Она сказала это таким тоном, словно мы с нею каждое утро встречались на кухне, где обменивались новостями или информацией о том, где находился наш «муж на двоих».

Чертыхнувшись, я вернулась обратно в комнату Никитки. Позавтракать могу и на работе, а сейчас главное забрать сына, по которому я уже до чертиков успела соскучиться.

– Вы ведь знали об этой Кире? – шепотом спросила я у свекрови, когда приехала за сыном.

Никита как раз убежал в комнату, где забыл свою машинку, и у нас с Верой Артемьевной была минутка быстро обменяться парой слов.

– Не знала, – отрезала свекровь и посмотрела на меня со значением во взгляде.

Я тут же почувствовала – она не лжет.

– Он рассказал на днях. Что у него женщина есть в поселке, что детей двоих родили они еще до тебя. И что сейчас нужно их перевезти к себе, вроде дом у них сгорел, что ли.

Это была едва ли не самая длинная тирада, которую я слышала от Веры Артемьевны за всю свою жизнь. Мои отношения со свекровью теплыми назвать я не могла. Но мама Коли помогала с Никиткой, а большего мне было и не нужно.

– Ясно, – только и кивнула я, присаживаясь на табурет и теребя в руках комбинезон сына.

– Что делать теперь будешь? – спросила меня свекровь.

Я пожалала плечами. Знать бы, как поступать дальше, не было бы так погано на душе.

– Пока буду плыть по течению, – вздохнула в ответ. – Если только вы меня и Никитку у себя не приютите.

Я вскинула взгляд на свекровь. Она тут же закрылась. От женщины, вроде как с сочувствием отнесшейся к ситуации, в которую я попала, не осталось и следа.

– Нет, Анастасия. Мы уже обсуждали это и я останусь на своем до гробовой доски. Это моя квартира и я хочу в ней дожить спокойно одна.

– Но мы не будем вам мешать! – в запале произнесла я, видя, как Никитка уже мчится к нам на всех парах. – Мы... – собиралась продолжить, но увидела по лицу свекрови, что это бесполезно.

Она замкнулась еще больше, поджала губы и не стала дослушивать.

– А, вот и ты, молодой человек, – обратилась Вера Артемьевна к внуку. – Собирайся скорее, уже давно пора в садик.

Пока я, испытывая чувства, от которых хотелось реветь, быстро одевала сына, свекровь удалилась на кухню. Я не понимала ее от слова совсем. Она ведь знала, что нам с Никиткой сейчас придется несладко. Я уже подошла к той черте, за которой вселенная для меня будет состоять из сплошного отчаяния. И рассчитывать, что вдруг откуда-то мне протянут руку помощи, не стоило.

– Идем, Никит, – сказала я, когда сын был одет и обут.

Взяла его за руку и повела прочь из квартиры, в которой видеть меня хотели только в качестве гостыи. Наверно, и для мужа я была точно такой же гостыей в нашем доме, несмотря на то, что я прожила с Николаем бок о бок десять лет.

– До встречи, Анастасия. Никитушка, слушайся маму и папу, – напутствовала свекровь, провожая нас с сыном.

Я горько усмехнулась, когда услышала эти слова, но показывать эмоций Вере Артемьевне не стала. Она была совсем не тем человеком, на помощь которого стоило рассчитывать.

Хотя, как оказалось, у меня таких людей не было в принципе. Разве что Дарина, да и то – с большой натяжкой.

Весь день на работе провела в бесконечных мыслях – что делать, когда закончится смена и нужно будет вести Никитку домой? Не поехать ли к подруге, где смогу хотя бы переночевать, оттягивая тот момент, который уже казался неизбежным? Что предпринять, если все же вернусь туда, где теперь на полных правах жили эти ужасные Кира и две девочки?

Я так и представляла, как захожу и, быстро юркнув в детскую, запираюсь там. Но ведь Никитка привык к иному... Привык, что он играет на кухне, пока я готовлю ужин, а потом встречается вместе со мной с работы Николая. И мы садимся, едим и обмениваемся новостями, а сын вставляет какие-то реплики, в силу своего возраста в основном забавные.

Домыв плиту, я переоделась и вышла с кухни. Никитку надо было забирать через полчаса. И я, как могла, оттягивала момент, когда придется решать, куда ехать. Домой или к Дарине. А то и вообще к свекрови, которую пока по объективным причинам видеть я не желала.

Выйдя на улицу, я взяла телефон и покрутила его в руках. Все же решила и набрала номер подруги. Несколько гудков, после которых Дарина ответила, причем была в этот момент сильно навеселе:

– О! Настюха! А я как раз о тебе думала, – сказала она, на что я лишь покачала головой. Если о ком подруга и размышляла, то уж точно не обо мне.

– Дарюш... слушай, я тут в прострации. Куда мне ехать после того, как заберу Никитку из сада?

Задала этот вопрос и так жалко себя стало, что на глазах помимо воли выступили слезы. Упрямо тряхнув головой, я приказала себе не раскисать. Подруга молчала, что навело меня на мысли о том, что я задала не слишком удобный вопрос.

– Наськ... ко мне сегодня никак, прости, – тихо проговорила она. – Мы как раз едем... ну... в общем, его Андрей зовут. Так что извини, но никак...

Я тяжело вздохнула. Не то чтобы особо рассчитывала на помощь со стороны Дарины, но, по сути, больше надеяться мне было не на кого.

Распроставшись с подругой и вновь получив от нее извинения, которые были совершенно не обязательны, я поднялась на второй этаж, где находилась младшая группа и, присев на лавочку возле шкафчиков, принялась ждать сына.

– Лаврентьева, а ты чего еще здесь? – раздался через несколько минут голос воспитательницы, которая как раз вышла, ведя за собой двух деток.

– В каком смысле, еще здесь? – не поняла, вскидывая голову. – У меня рабочий день только-только закончился, а сейчас я Никитку жду.

Она нахмурилась, подходя ближе.

– Как ты его ждешь, если его папа еще час назад забрал? – спросила она, и я выдохнула рвано, вскакивая с места.

Сердце пропустило несколько ударов и ухнуло вниз. Да, порой случалось, что Коля забирал меня и Никиту, после чего мы все втроем ехали домой. В такие, довольно редкие, дни сыночек чувствовал себя особенно счастливым. Но сейчас ведь я оставалась в садике!

– Как забрал? Почему мне никто не сказал? – пролепетала, предчувствуя что-то непонравившееся и страшное.

– Да почему говорить должны? Он отец, вроде никаких запретов на то, чтобы Николай Федорович забирать ребенка мог, не было, – пожалала плечами воспитательница.

Помещение покачнулось, гомон детских голосов донесся до меня как через толщу воды. Метнувшись к выходу, я, не помня себя, чуть ли не кубарем слетела с лестницы, после чего помчалась к дому, пребывая в жутком стрессе от смертельного страха.

Едва влетела в квартиру, не разувшись, вбежала в детскую. Она была пуста. Голосок сына доносился из нашей с Колей спальни. Там Никитка и обнаружился сидящим на полу. Возле него находились Вика и Маша. Все трое увлеченно играли в какую-то настолку, причем по возрасту она Никите явно не подходила.

– Сынуль! – окликнула я его и, подбежав, схватила на руки.

Никита смотрел на меня, улыбаясь, а вот дети Киры, когда я мельком на них глянула, насупились.

– Идем в твою комнату, хорошо? – спросила у Никитки, на что он кивнул.

Я пересекла коридор. Увидела, что мое прибытие не осталось незамеченным. Николай и Кира, как ни в чем не бывало болтающие на кухне, посмотрели на меня. Первая жена моего мужа отвернулась, сделав вид, что вообще меня не заметила. Зато Коля улыбался, как Чеширский кот.

Разозлившись так, что едва не вскипела, я занесла Никиту в нашу комнату. В ней теперь был самый настоящий склад. Кира выгребла из спальни все вещи, которые принадлежали мне и Николаю, и перенесла их в детскую. Всюду высились кипы моей и Колиной одежды. Фотографии в рамках, книги, фотоальбомы, которые хранились на одной из полок шкафа. И еще море всякой мелочевки.

Никита, кажется, совершенно не обратил на это внимание. Присел в свободном уголке и стал играть в любимые машинки. Хорошо хоть медведя не хватился, которому я пока не успела пришить голову.

– Посиди тут, мой хороший, – сказала сыну, выходя из комнаты. – Я скоро вернусь.

Раздевшись и разувшись в прихожей, я постояла недолго, глядя в зеркало. На меня из отражения смотрело осунувшееся и побледневшее подобие той Насти, которой я была раньше. И ведь прошли всего сутки с того момента, как вскрылись новые обстоятельства моей жизни. Что ж, я все равно не имела права опускать руки и планировала прямо сейчас отправиться и разобраться с тем главным вопросом, который владел мною – чтобы Кира даже думать не смела, что она может без моего ведома что-то делать в этой квартире.

– Сейчас мы садимся и разговариваем втроем, – сказала жестко, зайдя на кухню и присев напротив сладкой парочки.

Они переглянулись. Кира приподняла бровь и хмыкнула, а Николай, весь превратившись во внимание, подался ко мне и сказал серьезно:

– Я тебя слушаю, милая.

– Это хорошо, – кивнула я, переводя дыхание. – Первое – у меня есть ряд условий, которые вы будете выполнять.

– А иначе что? – хихикнула Кира, но Коля смерил ее взглядом, и его первая жена замолчала.

– А иначе мы станем воевать. Бесконечно.

Растянув губы в улыбке, я обратила все свое внимание на мужа и, призвав силы, которых почти не осталось, спросила:

– Милый, твои слова о том, что в доме главная я, а девочки, – я указала кивком в сторону нашей спальни, – станут выполнять все, что скажу... Они ведь в силе?

Коля дернулся. Его челюсти сжались, а зубы, как мне показалось, скрежетнули друг о друга. И все же он, улыбнувшись мне точно такой же натянутой улыбкой, повторил однажды сказанное:

– Да. Ты в доме главная, Настен. Кира это знает.

Я не смотрела в ее сторону, но физически почувствовала негатив, щедрыми волнами выплескивающийся наружу.

– Хорошо. Тогда правила таковы. Никитке мы говорим, что у нас гости. Родственники. Девочки даже не смеют называть тебя папой!

Я повысила голос, взглянув на Киру. Глаза той метали молнии, но я видела, что она вынужденно предпочла засунуть язык себе в одно место.

– Никаких побудок с петухами, особенно когда выходные. Если вы в своей деревне, – это я говорила уже полностью переключив внимание с мужа на его жену, – привыкли вставать с петухами, то даже если проснулись в воскресенье в пять утра – сидите в комнате тихо, как мышки.

– А то что? – не выдержала снова Кира.

Николай тронул ее локтем, но она уже закусила удила.

– Нет, Коля... Мне правда интересно, что сделает Настасья, если вдруг ее правила не выполнятся?

Я растерялась, хотя и старалась не показывать виду. Угрожать тем, что уйду? Да Кира ламбаду бросится танцевать, когда услышит об этом.

– Настасья устроит тебе адскую жизнь, Кира, – понизив голос, проговорила я.

Со стороны, должно быть, это выглядело смешно – где мои сорок семь килограммов, и где эта тетя-лошадь? Нет, Кира не была толстой, но коренастостью и крепостью больше походила на деревенскую кобылу. Однако сейчас мне было плевать на то, как смотрюсь, когда угрожаю Кире.

– Никиту из садика привожу только я. Больше забирать его вот так не нужно, – продолжила озвучивать свои условия.

Коля сделал вид, что раскаивается.

– Я просто испугался, что ты снова отправишь его к бабушке. Хотел познакомить с Викой и Машей. И да, мы сказали ему, что это просто гости, – проговорил он.

В любой другой ситуации я бы возмутилась и высказалась на эту тему, но было видно, что слышать, как Николай идет у меня на поводу, Кире крайне неприятно.

– Вот и хорошо. И все же на будущее... Привожу сына из сада я лично. Забирать его не нужно, – повторила уже озвученное.

Я побарабанила пальцами по столу. Прислушалась к себе. Ничуть не стало легче от того, что выдавала свои условия, а их принимали. Я не ощущала себя победительницей, не чувствовала облегчения, которое позволило бы мне вздохнуть свободнее. Лишь только ужасающая усталость все давила и давила сверху на плечи.

– Ложимся спать мы тоже рано. В девять вечера – отбой. И что касается готовки... Ни я, ни Никита употреблять то, что творит на этой плите Кира, не станем. Питаться с сыном я буду отдельно.

– А я? – тут же поинтересовался Николай, привыкший к тому, что его дома всегда кормят вкусно и сытно.

И дело обходится без прогорклого масла, от которого разве что стены не закоптились.

– А ты будешь есть вместе с Кирой. Она не так давно уверяла меня, что тебе ее стряпня нравится.

Я смотрела на мужа, на лице которого появилось кислое выражение. Видимо, Кира сильно преувеличивала, когда говорила о том, как Николай наслаждается тем, что она готовит.

– Хорошо, – все же сказал он после недолгой паузы. – Это все твои условия, Насть? – уточнил Коля.

– Да. Остальное, вроде того, что те деньги, которые я заработаю, остаются у меня, а продукты в дом покупаешь ты, я думаю, очевидно и безо всяких обсуждений.

Брови Коли поползли наверх. Муж привык, что я оставляла себе совсем крохотную сумму на самое необходимое, а остальное отдавала ему, потому что «банк семьи» находился в его руках.

– Не разбогатеи только! – фыркнула Кира, не выдержав.

Она поднялась из-за стола и вышла из кухни. Я последовала ее примеру. Остаться и дальше наедине с Колей было слишком тягостно.

– Мы еще это обсудим! – донесся мне в спину голос мужа.

Я обернулась на пороге, покачала головой и уверенно заявила:

– Больше нечего обсуждать, Коля. Или все будет так, или никак.

После чего поспешила скрыться за дверью детской.

Никитка поужинал любимым фруктовым салатиком и чаем с печеньем. Я разрешила ему посмотреть пятиминутную детскую передачу, которая особенно нравилась сыну, и попыталась уложить спать.

– Давай я, – вызвался муж, минутой ранее зашедший в детскую, где, видимо, собирался ночевать.

По-хорошему, мне нужно было выгнать Николая ко всем чертям. Но я опасалась, что сын может начать задавать те вопросы, ответов на которые у меня не будет. А лгать Никитке я уж точно не собиралась.

– Сама справлюсь, – буркнула в ответ, подтыкая одеяльце.

Хорошо, что комплекция у меня позволяла устроиться на ночлег рядом с сыном так, чтобы нам с ним было не тесно.

– Насть... я уложу, – мягко, но настойчиво сказал Коля. – Я ему такой же родитель, как и ты.

– Хорошо, что ты об этом помнишь, – покачала я головой, складывая руки на груди.

Николай присел рядом с сыном, положил крупную ладонь на спину Никитке. Обычно он засыпал именно в такой позе – на животе, повернув голову влево. А я сидела возле, чуть поглаживая его, пока сынок не отправлялся в мир Морфея.

– И никогда не забуду. Сходи пока прими ванну. А то...

Он осекся, не договорив, но пояснять что-либо необходимости не имелось. И так было понятно, что имел в виду Коля. У нас же теперь в санузел целая очередь может начать выстраиваться по разным поводам. Ну прямо не квартира, а городок гастарбайтеров.

– Никаких ванн. Еще не хватало, чтобы ты снова уволок сына на игры! – прошипела я, но тут же взяла себя в руки, когда Никита недовольно заворочался.

– Насть... он уснет, а я рядом посижу, почитаю. Иди, – сказал Коля.

Спорить с ним я не стала. Нужно было срочно принять душ, иначе я доведу себя до того, что скоро от меня начнут шарахаться люди. И не ездить же для таких процедур к Дарине или в общественные бани? Кажется, я уже докатилась до того, что мысли стали сплошь параноидальными.

Выйдя из комнаты, я прислушалась к звукам, доносящимся из спальни. Голоса были приглушенными, что вызвало у меня улыбку победительницы. Может и ненадолго, но этот шалман, который мне навязал муж, удалось приструнить.

В душе ополоснулась быстро. Все казалось, что Николай не сдержит слово и, разбудив сына, вновь потащит его к Вике и Маше. Растеревшись полотенцем, я тряхнула головой, прогоняя дурацкие мысли, а когда вернулась в детскую, оказалось, что Никита уже спит, а муж укладывается на свои подушки, навалив их на пол.

– Наверно, раскладушку себе куплю, – сказал он шепотом, когда я, закончив все приготовления ко сну, устроилась рядом с сыном и укрылась пледом.

– То есть, все вот это здесь надолго? – приподняла бровь.

Не то чтобы меня должно было это волновать. Я рассчитывала начать менять свою жизнь и жизнь своего сына уже вот-вот. Просто интересно было, на какой период здесь поселилась первая семья Коли.

– До середины января точно. Может, до февраля. Кира найдет работу, девочки пойдут в школу. Я их пока тут пропишу, чтобы они могли ссылаться на регистрацию.

Покосившись на мужа, я поняла, что он смотрит на меня вопросительно. Как будто ему нужно было получить мое одобрение на действия, которые уже казались решенными. Я пожала плечами и отвечать не стала. Смысл говорить, что я категорически против того, чтобы цыганский табор получил полные права на пользование квартирой?

Мы молчали. Николай, устроившись по-турецки, теребил бахрому на подушке. Я же лежала, чувствуя, как та пропасть, которая появилась вчера стараниями мужа, разрастается между нами и становится настолько огромной, что ее уже будет не преодолеть никогда.

– Коль... – вдруг выдохнула я, удивляясь тому, о чем хотела спросить.

Но мне действительно нужно было знать, не являлась ли моя жизнь на протяжении десяти лет моей собственной выдумкой.

– М? – откликнулся муж.

– А ты меня вообще когда-нибудь любил?

Смотрела на Николая, в глазах которого зажегся огонь, и казалось, что вот-вот исчезнет все то, что отравляло наше общее настоящее.

– Я тебя люблю, Насть... Безумно.

Он подался ко мне, но я выставила руку, давая ему понять, что даже близко не желаю сейчас никакого контакта. И впредь тоже вряд ли пожелаю.

– Люблю... Но мне сейчас тоже тяжело. Я бы сказал о них, – он мотнул головой, указывая в ту сторону, где находились Кира с дочерьми, – но боялся тебя потерять.

Я сделала глубокий вдох. Не знала, как повела бы себя, вовремя узнав о том, что Николай уже является отцом для детей от другой женщины. Возможно, восприняла бы это нормально – сейчас уже время отмотать и выяснить что-то было нереально. Но понимала другое – за многолетнюю ложь простить не могу.

– Я тебе не верю. Когда любят – не врут, – проговорила в ответ и прежде, чем повернуться набок спиной к мужу, добавила, завершая разговор: – Спокойной ночи.

– Так, Настюх! Пока все идет по плану! – спрятав руки в меховые варежки, уверенно заявила Дарина, когда мы прогуливались по парку.

Сын нагулялся на детской площадке и теперь шагал рядом, едва передвигая ноги. Нужно было укладывать Никиту на дневной сон, благо, сегодня выходной и можно прийти домой и понежиться пару часов в кровати.

Николай уехал на работу, его первая семья безвылазно сидела дома. После нашествия табора прошло три дня. Трое суток моего бесконечного смирения, попыток придумать что-то, чтобы не терпеть море унижения и дальше. И отчаяния, когда понимала, что все бесполезно. Нужно лишь ждать и готовиться совершить то, что освободит и меня, и сына.

– По плану ли? – пожала я плечами. – Аванс дали небольшой. Зарплата теперь только после десятого. А впереди – аж чуть не две недели, которые мы с Никиткой проведем бок о бок с этими... Кирой, Викой, Машей.

Я вздохнула и, пнув веточку, стала следить за тем, куда она приземлится. В воздухе та вдруг развалилась на части и улетела бог знает куда. Я ей завидовала – хотелось и самой вот так переломить свою судьбу и просто исчезнуть.

– Ну, это ненадолго. Я могу тебе денег подкинуть, но...

Дарина зависла, хмурия брови. Ничего хорошего обычно после таких вот пауз подруга не выдавала, однако я терпеливо ждала, что же она скажет.

– Слушай... А если тебе уборщицей к нам в клуб пойти, а? Работы много. Иногда эти черти как упьются. – Она скривила лицо и изобразила рвотный позыв. – Так что без дела сидеть не будешь. Платят, правда, не очень много, но деньги не пахнут.

Я приостановилась и воззрилась на Дарину. Ее искреннее желание помочь, впрочем, вызывало у меня лишь досаду. Работа в клубе предполагала, что я стану там буквально ночевать. А на рассвете – бежать в садик и готовить. При этом я вообще не буду видеть сына, а кто им вместо меня станет заниматься, даже предположить не могла. Вернее, предположения-то как раз имелись, только шли они в разрез с представлением о нормальном воспитании Никитки.

– Нет, Дарюш, спасибо, конечно... Но мне не разорваться. Если только как подработку взять на те несколько дней, что будут после праздников.

И в этом случае все выходило совсем не так, как мне того хотелось бы. Коля уже сообщил, что он собирается запросить несколько выходных в начале января, однако оставлять нашего сына с ним и его женой и детьми я уж точно не желала.

– Ладно, поглядим, как там все повернется, – сказала Дарина и, обняв меня, чмокнула в щеку: – Я полетела. Дома надо прибраться, вдруг Сашка забежит.

Она быстро расцеловала Никитку и упорхнула. Я же, вздохнув, протянула руку сыну и спросила:

– Идем домой?

Никита тут же активно закивал. Устал мой сыночек.

Сразу, как только вошла в квартиру, я поняла, что что-то не так. В воздухе пахло кофе, да еще и так сильно, как будто кто-то не просто смолот его, но еще и рассыпал всюду. Кофемашиной, которую мне подарил Николай на прошлый день рождения, я запретила пользоваться почти сразу. Это была дорогая вещь и мне не хотелось, чтобы ее кто-то сломал. Не говоря уже о том, что я вообще не желала лицезреть, как Кира касается того, что принадлежит только мне.

– Что здесь происходит? – спросила я, когда Никита разулся и, скинув комбинезон, направился в нашу комнату.

Вошла на кухню и замерла от увиденного. Кофе был везде – на стенах, на полу, на столешнице. Возникло ощущение, что здесь случился как минимум взрыв, которые разметал напиток всюду.

– Что здесь происходит?! – повысив голос, повторила свой вопрос, смотря на кофемашину, всю в коричневых потеках. – Вы что – трогали мое?

Мне хотелось убивать, такого желания ни разу за свою жизнь я не испытывала. Но сейчас, когда смотрела, как Кира пытается прибрать то, что сама и сотворила, я превращалась в незнакомую мне Настю.

– Я не знаю, почему так случилось. Просто засыпала в нее зерна и все, – пожалала Кира плечами. – Отойди, мне тут вымыть все нужно к приходу Коли.

И она, оттеснив меня от раковины, стала споласкивать тряпку.

Я едва не застонала. Засранная кухня, сломанный подарок, к которому никто, кроме меня, не должен был прикасаться. Гомонящие дети, наперебой обсуждающие передачу по телевизору, который работал так громко, что это было слышно, должно быть, в соседнем квартале.

Нет! Я решительно отказывалась мириться с этим всем!

Метнувшись в детскую, я вытащила из шкафа небольшую сумку и начала бросать в нее все, что могло понадобиться на первое время. Плевать, что у Дарины Никита может насмотреться всякого! Это наверняка будет не настолько травмирующим, как те события, которые раз за разом происходили в квартире, превратившейся в самую жуткую из всех возможных коммуналок.

Побросав документы и вещи, я закрыла сумку и велела Никите:

– Поехали, сынок. Нас с тобой позвали в гости.

Он сначала нахмурился, но почти сразу оставил свои машинки и вложив свою маленькую ладошку в мою руку, направился в прихожую.

Через пару минут мы вышли из квартиры, чтобы ехать к Дарине. Или в отель хотя бы на сутки.

Иначе все, на что я могла рассчитывать – сумасшествие. Причем, разумеется, мое.

Когда мы появились на пороге квартиры Дарины, кажется, подруга совершенно не удивилась. Скользнула взглядом по сумке, отступила, давая нам возможность зайти.

– Не выдержала? – поинтересовалась она с сочувствием, пока я раздевала Никитку.

– Она добралась до техники и начала ее ломать, – мрачно проговорила в ответ.

– Ну, это было ожидаемо. Что говорит Николай?

Стащив с сына шапку и ботиночки, я велела ему:

– Иди в комнату, сейчас я тебе игрушек принесу. – И когда он умчался, повернулась к Дарине: – Я с ним это не обсуждала. Мы просто собрались и ушли.

Подруга забрала мою куртку, повесила ее в шкаф. Вздохнула и сказала мрачно:

– Понятно. Теперь эта красотка уверена, что победила.

– Считаешь, что мне нужно было и дальше тратить свои нервы? – с вызовом спросила я, сложив руки на груди.

Дарина взяла меня под локоть и мы направились на кухню. Она усадила меня за стол и устроилась напротив.

– Нет. Считаю, что не нужно было все в семью, все в дом. Но что сейчас об этом говорить?

Пожав плечами, Дарина побарабанила по столу. Возражать мне было нечего – подруга была права. Но и отмотать время вспять, чтобы готовить себе плацдарм на случай, если муж окажется нечистоплотным лжецом, я не могла.

– Поживите пока у меня. Сашке скажу, что будем встречаться у него. Хотя, он опасается, что о нас его бывшая узнает. Какая-то слишком ревнивая она у него, – Дарина хмыкнула. – А так уж точно перекантуемся. Ночами меня почти нет, а днем спать буду.

Я прикусила нижнюю губу.

– Мне не очень удобно вот так вот вторгаться в твое пространство и мешать привычной жизни... Но мне и впрямь некуда идти.

– Что за глупости? Никаких вторжений! Мы же друзья и обязаны друг другу помогать.

Она вскочила из-за стола, взяла лежащий на нем телефон.

– Какие-то продукты в холодильнике есть – посмотри, может, что сготовишь для Никитоса. Вечерком еще пожрать куплю. А сейчас у меня встреча. – Она загадочно улыбнулась. – Потом расскажу, как и что.

И она упорхнула в прихожую, где, выудив из шкафа высокие сапоги на огромных шпильках, принялась обуваться. Я же покачала головой. Знала эти встречи. Наверняка очередной богатый клиент клуба, которому приглянулась Дарина.

Проводив подругу, я взяла сумку и пошла к сыну, чтобы начать обустриваться на несколько ближайших дней.

Когда раздался звонок в дверь, я вздрогнула и сонно взглянула на часы. Неимоверно хотелось лечь и провалиться в небытие. Сказывались дни, наполненные нервным напряжением, когда даже сквозь сон я постоянно прислушивалась к тому, что происходило в квартире.

А сейчас, когда удалось загнать тревоги поглубже, усталость взяла верх и я буквально отключалась от реальности.

– Я сейчас, – сказала сыну, который собирал и разбирал свои любимые Лего для малышей.

Вышла в прихожую и взглянула в глазок. Обнаружила по ту сторону Николая, что меня, кажется, даже не удивило. Я знала, что муж рано или поздно появится на пороге Дариной квартиры. Что ж, прибыл он весьма даже быстро.

– Что тебе нужно? – чуть приоткрыв дверь на цепочке, спросила у Коли, который, поняв, что я на месте, выдохнул с облегчением.

– Я за вами с Никитой, – сказал он, не предпринимая попыток, например, распахнуть дверь шире.

Что у него наверняка бы получилось, потому что цепочка была хлипкой преградой.

– Мы не собираемся возвращаться домой. По крайней мере, до тех пор, пока там живут Кира и ваши дети.

Глаза Николая сверкнули недовольством. Впрочем, высказывать его он не стал. Смирно кивнул и вдруг ошарашил:

– Для того я и пришел. Ты права – приводить их к нам домой было глупой затеей. Я извернусь и найду денег на аренду и залог. Завтра же они съедут и все вернется к тому, как было.

Он говорил это, а я ловила себя на мысли, что не верю в настолько хороший и скорый исход этого дела. Но если это правда... У меня будет возможность спокойно пожить в той квартире, которую считала родным домом, и подготовиться к самостоятельному существованию без мужа.

– Хорошо. Я подумаю, – сказала Николаю. – Завтра созвонимся и, если ты действительно переселишь куда-то свою первую семью, мы с Никитой, возможно, вернемся.

Сказав это, я попыталась закрыть дверь, но Коля не дал мне этого сделать – выставил ладонь и придержал ее.

– Вы – моя единственная семья, Насть... Ты и наш сын.

Он говорил это с жаром, вновь превращаясь в того мужчину, за которым, как мне казалось, я была, как за каменной стеной.

– Вот и докажи это, Лаврентьев, – сказала безапелляционно. – А сейчас я просто хочу отдохнуть.

Все же закрыв дверь, я заперла ее на все замки и вернулась к сыну. Если мой уход приведет к тому, что я добьюсь своего, значит, не все для меня потеряно. И я действительно могу диктовать условия, которые, как я совершенно искренне считала, Коля теперь просто обязан был выполнять.

Резко сев на постели, я заморгала, пытаюсь понять, что происходит. Чудилось, что случилось какое-то нападение – настолько громко кто-то барабанил то ли в стену, то ли в дверь. Рядом, с плачем, которого я ни разу у него не наблюдала, подскочил Никитка. Заголосил от ужаса, а мое материнское сердце тут же стало вторить этому реву бешеным стуком.

– Тише-тише, это просто в дверь стучат, – попыталась я успокоить сына. – Я сейчас посмотрю, кто это.

«Стук» представлял собой просто адовую барабанную какофонию, которую наверняка было слышно даже в соседнем подъезде. Как только он прекратился, ему на смену пришли ругательства. Кричал какой-то мужчина, видимо, из числа любовников Дарины.

Сама она так и не приехала домой ночевать, потому я не представляла, что мне делать.

– ... не откроешь, ***, сейчас я к друзьям смотаюсь и дверь выломаю. А потом *** тебя так, что ты сидеть не сможешь неделю!

Он ругался так грязно, что у меня от испуга к горлу ком подкатил. Я быстро выглянула в глазок – за дверью стоял огромный мужик с бородой. Он чуть пошатнулся, видимо, был пьян, и я отпрянула вглубь квартиры, к так и продолжающему истошно плакать Никитке.

Снова раздался стук. Показалось, что внушительная металлическая дверь не выдержит и сначала пойдет трещинами, а потом рассыплется в труху. Мужик что-то кричал снова, вроде угрозы спилить замки болгаркой, если Дарина не откроет сейчас же.

Разумеется, все, что я могла себе в данный момент позволить – сидеть тихо, как мышка. И прижимать к себе сына в бесплодных попытках его успокоить.

– Тише-тише... сейчас он уйдет, а мы с тобой – домой, – шептала я Никите, что вцеплялся в меня с такой силой, словно хотел стать моей частью.

– Хоч-ч-чу к п-папеееее, – то ли простонал, то ли провыл сын.

Когда он это сказал, мое и без того израненное сердце закровоточило еще сильнее. А понимание, что я в ловушке, из которой пока не выбраться, отравило разум окончательно.

Похватав наши немногочисленные вещи, которые до этого разложила, я запихнула их в сумку и скомандовала сонному Никите:

– Быстро одеваемся. Сейчас он уйдет и отправимся домой.

Просить сына дважды было не нужно. Он живо начал натягивать штанишки и рубашку, приготовленные на завтра. Всхлипывал, растирал личико руками, но послушно одевался. А у меня сердце каждый раз, когда смотрела на Никиту, захлебывалось от жалости.

Наконец стук и крики прекратились. Я вновь выглянула в глазок – за дверью никого не было. Подошла к окну кухни, погруженной во мрак, посмотрела на улицу, спрятавшись за занавеску. Мужчина вышел из подъезда, постоял немного, всматриваясь в окна Дарининой квартиры, после чего, сунув руки в карманы, ушел прочь размашистым шагом.

Выждав с минуту, я быстро оделась сама и помогла облачиться в комбинезон сыну, после чего мы с ним, забрав вещи, сбежали.

Едва мы вошли в квартиру, я сразу же столкнулась с Киной, которая весьма вольготно себя чувствовала, что-то перекладывая в шкафах прихожей. Она хмыкнула, когда увидела нас с сыном, но говорить ничего не стала.

В спальне, как и днем, телевизор работал так громко, что оставалось лишь удивляться, как еще соседи не пришли к нам с жалобами и требованиями не шуметь. Впрочем, сейчас мне было на это откровенно плевать.

Несмотря на то, что не было и полуночи, Николай спал, устроившись на кровати Никиты. Мы с сыном вошли в детскую, всюю зевающий Никитка тут же забрался к отцу под бочок, а я и не стала его останавливать. Предполагая, что мне вряд ли удастся заснуть в эту ночь, присела на край детского дивана и, обняв колени руками, беззвучно расплакалась.

Проснулась, когда за окном только-только занимался рассвет. От неудобной позы затекли шея и руки. Я вскочила, поняв, что ни Николая, ни сына в комнате нет. Помчалась на кухню, где Никитка и обнаружился в окружении отца, Вики, Маши и Киры. Он всюю уминал какую-то странную на вид кашу, в которую, судя по всему, вбахали приличную порцию варенья.

– Что здесь творится? – выдохнула я, обзревая все «семейство».

Со стороны казалось, что Коле, как в игре в куклы, просто заменили жену и снабдили еще двумя детьми. А он отнесся к этому спокойно, и теперь даже рад, что у него такое большое семейство, в которое я вроде как не вписывалась совсем.

– Мы завтракаем, – объявила Кира. – Присоединяйся, немного каши осталось.

Меня едва не вытошнило, настолько по-хозяйски вела себя эта женщина, которую, между прочим, еще вчера Николай обещал выселить в другое жилье.

Я вопросительно взглянула на мужа, он отвел глаза и, быстро доев свою кашу, велел детям:

– Идите поиграйте. У взрослых серьезный разговор.

Вику и Машу как ветром сдуло, а вот Никита остался на месте. Посмотрел на меня, на что я попросила:

– Иди к себе, побудь один немного, хорошо?

Кира фыркнула, я смерила ее в ответ взглядом. Видимо, этим звуком она выражала свое презрение относительно того, что наш ребенок слушается меня, а не Колю.

Никитка ушел, и я задала главный вопрос:

– Как долго они еще будут здесь находиться? – небрежно указала кивком на Киру. – Ты же обещал мне, что снимешь им жилье! Я вернулась – где выполненные обещания?

И снова муж переглянулся со своей первой женой, что уже стало порядком меня бесить. Как будто она знала в разы больше моего, и иногда они обменивались вот такими молчаливыми жестами, полными взаимопонимания.

– Я не хотел тебя расстраивать, – сказал Николай, поднимаясь из-за стола. Взял какую-то папку, лежащую на холодильнике, попросил: – Присядешь?

У меня голова кругом пошла от предположений и страха того, что услышу следом. Коля отписал квартиру Кире и девочкам? Состряпал дарственную, по которой они стали бы собственниками этого жилья? Или случилось что-то еще более катастрофичное?

– Наша машина... ты же знаешь, что она взята в кредит, – сказал он, когда я опустилась на стул.

Положил передо мной папку, на которую я и воззрилась.

– Знаю, и что? – вскинула я глаза на мужа.

– А то, что платеж очень большой. Нам хватит или на него, или на то, чтобы снимать жилье Кире и девочкам. И нет, я не хочу избавляться от машины – она нужна мне для работы.

Я схватила документы, которые муж сразу, как только оформил кредит, увез и держал в сейфе в своем кабинете. Стала листать их, не понимая, о чем говорит Николай.

Он же заверял меня, что платеж всего тринадцать тысяч – вроде не маленькая сумма, но вполне нам по карману. И когда выхватила и просмотрела график платежей, изо рта моего вырвался горестный стон – на оплату кредита уходила едва ли не половина Колиной зарплаты.

– Что это? Почему я впервые вижу, что здесь платеж – почти полсотни тысяч? – выдавила я из себя, не в силах поверить тому, что было перед глазами.

– Потому что ты была бы против, – философски изрек Николай и пожал плечами.

– Конечно, я была бы против! – воскликнула, в ужасе отбрасывая от себя графики платежей, которые Коля забрал и вновь положил в папку. – Это же огромная прорва денег! У нас нет никаких возможностей начать жить хорошо, отдавая половину того, что ты зарабатываешь!

– Так может, стоит начать крутиться и вкладывать в бюджет хотя бы равную часть? – выдала Кира и вновь посмотрела на Николая. – Я вот уже нашла приличную работу. И не вижу смысла тратить столько денег на съемное жилье, когда Коля может предоставить нам комнату.

– То есть, они остаются здесь? – процедила я, не глядя на предводителя цыганского табора, а сосредоточив внимание на муже.

– Пока да. Кира будет работать, с мамой я поговорил – за девочками она присмотрит, пока те в школу не пойдут. Ну а тебе не нужно ничего менять в своей жизни – если нравится зарабатывать копейки, то я не против. – Он снова пожал плечами.

Мне стало так дурно, что показалось, будто следом за темными пятнами, запрыгавшими перед глазами, меня накроет благословенным обмороком.

– Все ясно, – выдохнула, поднявшись из-за стола.

Выставлять новые условия было бесполезно – мне явно дали понять, что я могу с ними делать и куда их засунуть. Воевать с Кирой и ждать, пока муж обеспокоится моим вероятным уходом и выставит за порог первую семью – тоже являлось делом напрасным. Кажется, все, включая меня, уже понимали, что мои барахтанья тщетны.

Значит, возвращаемся к первоначальному плану. Перетерпеть и уехать, когда подготовлю плацдарм. И да, Кира была права в одном – мне нужно было начинать крутиться ужом для нашего совместного будущего с Никиткой.

День рождения Николая решено было отметить дома у свекрови. Для меня был удивительным тот факт, что мать Коли на это согласилась. Я мало представляла себе двух дочерей Николая в «святая святых» трешки, переделанной в музей. Но, если уж на то пошло, свекровь сама напросилась.

Оставив с ней Вику и Машу, мы направились в магазин. Я не желала видеть рядом Киру, но с сожалением поняла, что за эти несколько дней они с Верой Артемьевной каким-то образом

нашли общий язык. И – самое ужасное – свекровь воспринимала предстоящий праздник едва ли не с большим ожиданием, чем Новый год.

– Поезжайте, я присмотрю за девочками, – сказала она, когда я категорически заявила, что Никитка отправится с нами.

Я мрачно посмотрела на Веру Артмьевну, но отвечать ничего не стала. Для меня и так все было яснее ясного.

В машине Кира, естественно, устроилась рядом с Колей, а мы с сыном – сзади. Я ловила себя на мысли, что не хочу уступать этой женщине ни в чем. И корила себя за участие в этом негласном соревновании. Но мне было действительно важно понимать, что я могу хоть чем-то управлять. И, как оказалось, подобное желание возникло не только у меня.

Это я поняла, когда положила в тележку (а мы взяли на входе аж две) довольно дорогое оливковое масло. Кира, заметив это, тут же устремилась к той же полке и стала делать вид, что выбирает из еще более неэкономных вариантов.

Она о чем-то зашебетала с Колей, тот делал вид, что понимает в продуктах. Обычно мы с ним выбирались в магазин вдвоем, где я брала на себя все заботы, связанные с тем, чтобы купить еду получше, но подешевле, так что муж разбирался в этом вопросе, как свинья в апельсинах. Но наблюдать за этим было забавно, особенно учитывая тот факт, что Николай заявил, будто скупиться на дорогие блюда к его дню рождения не будем. Я не знала, была ли спонсором этой поездки свекровь, или Коля разбил свою копилку, да впрочем, и знать того не хотела – просто решила теперь оторваться от души.

В итоге в тележках и у меня, и у Киры высилась просто гора еды, причем порой весьма «люксовой».

– Да уж... с таким размахом я еще день рождения не праздновал, – проговорил Николай, расплатившись за продукты.

Я вытащила сына из тележки, в которой он восседал все это время, и пожав плечами, проговорила прежде, чем пойти к машине:

– Теперь у тебя многое будет впервые, с чем тебя и поздравляю.

Окончательно понять, что теперь в своем доме, да и в своей жизни я вовсе не хозяйка, мне помогла Кира. Она, едва мы переступили порог квартиры свекрови, тут же начала перечислять ей, какие салаты приготовит к завтрашнему празднику, какое мясо уже сегодня вечером нужно будет замариновать, чтобы оно пропиталось должным образом.

– Я, наверно, домой поеду к нам. Завтра утром на работу, – сказала, так и не разувшись и не раздевшись и не сняв комбинезон с сына.

Николай, передающий свекрови пакеты, нахмурился:

– Вроде же решили здесь переночевать. И что ты с работы отпросишься, – сказал он.

Я хмыкнула. Решала это вовсе не я, меня просто поставили перед фактом. Но я совершенно не планировала делать то, что выбрали без моего участия.

– Я думаю, что Кирочка справится сама. А мы с Никиткой просто вечером приедем на твой день рождения, – расплылась я в самой елейной и самой притворной из возможных улыбок.

– Тогда я с вами, – сказал муж, встретившись глазами с Кирой.

И я бы снова взбесилась, если бы не увидела, что первая жена моего мужа растеряна и обозлена тем, что Коля уезжает.

– Приедем завтра к семи, – сказал Николай. – А сейчас мы домой, а мама вас здесь разместит, – добавил муж и мы втроем вышли из квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.